

БЫВШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ УРАЛА КАК ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 20 - 30-е ГОДЫ

Лишение избирательных прав в ходе избирательных кампаний 20-30-х годов было массовым явлением, мощным механизмом репрессивной политики Советской власти. Целые категории лиц стали социальными изгоями общества, так как лишение сопровождалось увольнением с работы, понижением по службе, невыплатой пенсий и зарплат, исключением из профсоюзов, дискриминацией родственников, а зачастую и административной высылкой.

Официальной причиной утраты избирательных прав объявлялось социальное и профессиональное положение лишенца до революции. Для лиц, отнесенных к бывшим государственным служащим, таким основанием стала их принадлежность к "бюстителям" старого режима. Данная категория, как впрочем и другие, была сфабрикована искусственно. Это неопровержимо доказывают документы личных дел лишенцев, ходатайствующих о восстановлении в правах, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (1).

Нами было изучено 100 личных дел и составлена унифицированная анкета, включающая 72 признака. В нее вошли сведения о возрасте, поле, месте жительства, образовании, конкретной причине и годе лишения избирательных прав, органе власти, принявшем решение. Заявления и жалобы лишенцев о политической реабилитации говорят о том, что далеко не все они признали наличие каких-либо оснований для подобной дискриминации. Соответственно в анкете возник ряд признаков, помогающих определить, велико ли было число таковых, как они объясняли факт несобоснованного лишения, чем подтверждали свою правоту. Сравнение данных о происхождении, социальном положении до революции, а также на мо-

мент лишения прав и после, позволяет определить, как менялся общественный статус этих людей. В анкесту введены такие пункты, как продолжительность пребывания на бывшей государственной службе, причины, год поступления и ухода с нее. Они во многом свидетельствуют о нелепости и жестокости проводимой акции, невероятной ретивости местных органов, превышающих свои полномочия. Целый ряд признаков рассчитан на то, чтобы определить и проанализировать позицию официальных структур, и в том числе Уральского областного совета, выносившего решения об отказе или восстановлении в правах ходатайствующих. И здесь важно установить не только численное соотношение восстановлений и отказов, но и расклад мотивировок таких действий.

Наибольшую информативную значимость, с точки зрения воссоздания социального портрета бывших служащих, несут на себе материалы личного характера. Прежде всего заявления, жалобы, ходатайства, за малым исключением имеющиеся почти в каждом деле, да еще и по несколько раз написанные, ибо и просящие и настаивающие на восстановлении в правах неоднократно обращались в разные советские органы и инстанции - от сельских Советов до областного. Потерявшие же всякую надежду и получающие одни отказы, апеллировали прямо во ВЦИК и даже в Кремль. Создается впечатление, что людей прогоняли через строй, отсеивали через сито.

А теперь рассмотрим полученные показатели, которые приводятся в процентах.

Основная масса изученных дел -95% - приходится на 1935-36 гг. Речь идет о дате вынесения решения Уральским областным исполнительным комитетом по прошениям лишенных избирательных прав как бывших государственных служащих. Этот орган для большинства лиц данной категории являлся последней инстанцией. В названные годы Уралоблик санкционировал 24% восстановлений и 76% отказов. В качестве причины отказа чаще всего фигурировали бывшая должность лишенца, несоответствие инструкции ВЦИК о выборах, отсутствие лояльности и 5-летнего стажа общественно-полезно-

го труда. Люди загонялись в какой-то социальный тупик, в безвыходное положение, так как в вину им ставилось прошлое, изменить которое было невозможно.

Абсурд ситуации состоял еще и в том, что их прежние "должности" в "табели о рангах" государственной системы царизма занимали самые низшие строчки или не значились вообще. В частности, 43% лишенцев служили мелкими "чинами" наружной (а не карательной) полиции на охране хозяйственных и прочих объектов в годы империалистической войны, отобилизованные властью как военнообязанные. 41% - занимали разные выборные должности. Заметим, что по инструкции ВЦИК от 1 октября 1934 г. граждане, служившие ранее в местном самоуправлении, не могли лишаться права голоса. Причем, продолжительность этой службы, будь то полиция, следственные комиссии, земства или другие ведомства, у 70% пострадавших исчислялись крайне ограниченным сроком - от 1 месяца до 2 лет.

Не удивительно, что в данной категории лишенцев превалировала не интеллигенция, а выходцы из рабочих и крестьян. Преимущественно - последние. Со старой интеллигенцией к середине 30-х годов вопрос уже был решен. Образовательный уровень людей, попавших в эту "мясорубку" на Урале был очень низок, а значит, скудно было и их знание законов. Велик процент не умеющих или весьма плохо умеющих писать, нередко диктующих кому-то свои жалобы. Не обладая никакой юридической грамотностью, они не могли доказать свою невиновность.

Вот лишь некоторые робкие попытки оправдаться перед Советской властью, которые не были приняты ею во внимание.

Черных Александр Николаевич, 1891 года рождения, бывший пристав: "Служа в должностях полицейского надзирателя и пристава, я совершенно не сознавал, что этим я делаю преступление... Не только полицейские, но и большинство интеллигенции (учителя, чиновники и т.д.) были политически совершенно неграмотны, т.к. воспитывались на законе божьем - почитании старших" (2).

Федоров Николай Иванович, 1883 года рождения, бывший член следственной комиссии: "Без моего участия меня выбрали членом следственной комиссии. Я хотел решительно отказаться от такой чести, но меня упрекнули не отказываться, т.к., по их мнению, я мог на комиссию в целом оказывать влияние и не допустить насилия со стороны полиции... Боясь навлечь на себя подозрения, я счел тогда благоразумным не отказываться от участия в работе следственной комиссии и впоследствии не раз раскаялся в сделанной глупости" (3).

Кочкин Матвей Федорович, 1886 года рождения, бывший помощник полицейского пристава. "В то время я не имел понятия о политических партиях" (4).

Волков Александр Ефимович, 1873 года рождения, бывший стражник: "Моя совесть перед обществом чиста. Я поступил стражником только по необходимости и несознательности и при первой же возможности переменял службу" (5).

Водовозов Василий Григорьевич, 1875 года рождения, бывший урядник: "...попал в грязь по своей темноте, главное по нездоровью, заставил кусок хлеба... Желал бы не быть за бортом Советской власти" (6).

Плешивых Василий Миронович, 1868 года рождения, бывший стражник: "Служил в полиции ввиду неимения работы, т.к. у меня в то время абсолютно ничего крестьянского не было, работал батраком... был стражником исключительно ввиду своей бедности и малоземелья, с другой стороны из-за своей неграмотности" (7).

Масалкин Михаил Егорович, 1883 года рождения, бывший стражник. "Пошел в полицию только лишь из-за куска хлеба: в то время семейство отца составляло 13 человек. Земельный надел был всего лишь на полторы души, при таковой обстановке существовать в сельском хозяйстве было невозможно... заставила материальная необеспеченность себя и семейства" (8).

Многие на момент лишения избирательных прав находились в преклонном возрасте. 62% были старше 50 лет, а 30% - старше 60-ти. Подобное наказание, социально и морально весьма тяжкое для пожилых людей, выглядит жестокой и бессмыс-

ленной мезтью. На наш взгляд, Советская власть выбирала их в целях воспитательного воздействия на остальное общество. Кандидатуры на предмет "политической изоляции" обсуждались на общих сельских сходах, трудовых производственных собраниях. Иногда прямым, а в основном косвенным образом эта информация проходит в документах личных дел.

Судя по всему, на первый план выдвигалась задача - приструнить большинство населения. Дать каждому почувствовать, припомнить какой-нибудь грех перед "народной" властью, навязать комплекс всегда возможного наказания. Бессилие, бессловесность и равнодушие окружающих, несомненно, возрастали, когда речь шла о бездоказательно и незаконно дискриминированных согражданах и их родственниках.

Источники позволяют утверждать, что конкретные наказания, сопровождавшие практику лишения избирательных прав, вели к оттоку сельчан из деревни в город. Вот данные из обследованного нами массива личных дел: 24% - исключены из колхоза, 24% - уволены с работы, у 18% - конфискованы хозяйства, 16% - подвергнуты индивидуальному обложению, т.е. также близки к разорению. Таким образом, к середине 30-х годов у 86% так называемых бывших государственных служащих Урала основным источником существования стала наемная работа в городах, зарплата.

Материалы свидетельствуют о том, что процесс лишения избирательных прав был одним из действенных методов осмысленной и твердо реализуемой Советской властью политики по обеспечению промышленного производства все новой и новой рабочей силой, которую иначе как из деревни взять было неоткуда. Всесоюзная кампания лишенчества, продолжавшаяся долгие годы, призвана была создать для этого условия. Лишенцы, измученные поисками правды, потерявшие всякую надежду, послушные и запуганные, становились "крепостными", брались за любую работу и трудились там, где требовалось "стране, партии и народу", лишь бы не оказаться на улице без средств к существованию. Для них речь шла об элементарном выживании.

На наш взгляд, по большому счету в конце 20 - середине 30-х годов проблемы наказания бывших государственных служащих за их весьма скромные земские, полицейские и прочие должности - не стояло. На повестке дня Советской власти были вопросы коллективизации и особенно индустриализации, способы и пути решения которых, выработанные ею, требовали наличия качественно иной социальной базы в стране. Необходимо было аморфное, неструктурированное, лишенное межличностных связей, люмпенизированное общество. Вот оно и создавалось - быстро и решительно, не ориентируясь на такую "мелочь", как реальная человеческая жизнь.

Примечания

1. Ф.Р-88 и Р-286.
2. ГАСО. Ф.Р-286. Оп.3. Д.401.Л.33.
3. ГАСО. Ф.Р-88. Оп.8.Д.1700. Л.17.
4. ГАСО. Ф.Р-286. Оп.3.Д.190. Л.19.
5. ГАСО. Ф.Р-88. Оп.8. Д.305. Л.2.
6. Там же. Д.294. Л.11.
7. Там же. Д.1295-1296. Л.9,17.
8. Там же. Д.1012. Л.17.